

70 ЛЕТ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

УДК 94(470)“1941/1945”:069 + 930.25

Ю. З. Кантор

ОТРАЖЕНИЕ СОБЫТИЙ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В МУЗЕЯХ РСФСР В 1941–1945 гг.

В статье исследуется практически не изучавшаяся как в советской, так и в постсоветской историографии проблема музеефикации и мемориализации событий Великой Отечественной войны собственно в военное время.

Рассмотрены принципы и установки «государственного заказа» на освещение названной темы, проанализированы директивные и инструктивные документы Наркомпроса СССР и РСФСР, Отдела агитации и пропаганды ЦК ВКП(б), региональных органов власти, а также документы музейных архивов, содержащие информацию о собирательской, просветительской и выставочной деятельности. Также, на основе анализа документов, путеводителей и каталогов по выставкам и памятным местам (опубликованным в военное время) и мемуарных источников, проиллюстрированы такие проблемы, как установка на глорификацию событий Великой Отечественной, «запретные» сюжеты, исключенные из вербального и предметного освещения в музеях (лагеря для военнопленных, коллаборация и т. д.), и мифологизация военной темы «по горячим следам», а также усиление идеологического контроля за деятельностью музейщиков.

Представлены принципы сбора материала (от трофейного оружия до любительских плакатов), позволившие сформировать коллекции, востребованные на выставках, открывавшихся непосредственно вслед событиям на фронтах и в тылу. Проанализированы выставки, создаваемые в историко-революционных, краеведческих, художественных музеях республики: их содержательная направленность (имевшая важное пропагандистское значение), периодизация, предметно-документальное насыщение и т. д. Музейные материалы позволяют, с одной стороны, реконструировать специфику выставочно-просветительской деятельности в тыловых регионах, на местах боев, а также на территории, освобожденной от оккупантов, а с другой — проследить выполнение важной идеологической задачи — формирования единого «пространства памяти» уже к 1945 г.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Великая Отечественная война; музеи; эвакуация; оккупация; тыл; Наркомпрос.

Обрушившаяся на СССР Великая Отечественная война выявила острую необходимость перестройки агитационно-пропагандистской работы. Потому на фоне привычных идеологем, прославляющих советский строй и мобилизующих на защиту социалистического отечества, появились иные — подчеркивающие историческую связь СССР с дореволюционной Россией, с ее полководцами и былой ратной славой. Принято считать, что импульс этому направлению агитпропа, особенно на первых этапах Великой Отечественной, дало выступление И. В. Сталина 3 июля 1941 г., в котором глава государства предпринял экскурс в историю: «История показывает, что непобедимых армий нет и не бывало. Армию Наполеона считали непобедимой, но она была разбита попеременно русскими, английскими, немецкими войсками. Немецкую армию Вильгельма в период первой империалистической войны тоже считали непобедимой армией, но она несколько раз терпела поражения от русских и англо-французских войск и, наконец, была разбита англо-французскими войсками. То же самое нужно сказать о нынешней немецко-фашистской армии Гитлера» [Сталин].

Однако, как свидетельствуют документы, эту тему сделали доминирующей научные сотрудники советских музеев, причем самого различного профиля — от художественных до краеведческих. К теме героического прошлого и его неразрывной связи с настоящим как к актуальному патриотическому стимулу первым в стране обратился ленинградский Музей Революции (ныне — Государственный музей политической истории России). Работу над выставкой, посвященной ратным подвигам русского воинства музей начал 24 июня 1941 г. [НА ГМПИР, д. 110, л. 3]. «В галерее Дворца искусств (бывший Зимний дворец) музей революции открыл в воскресенье новую выставку “Героика великого русского народа”. Выставка заканчивается материалами о великой отечественной войне со злейшим врагом человечества — немецким фашизмом» [Героика великого русского народа]. Двумя неделями позже эстафету от Зимнего дворца принял Музей истории религии: «В музее истории религии Академии наук СССР открылась новая экспозиция, посвященная героической эпопее русского народа — Отечественной войне 1812 г. [Выставка о героической эпопее...]. В те же дни в Казани, в краеведческом музее открылась выставка «Героическое прошлое русского народа» и ее передвижной вариант под названием «Били и будем бить» [Дьяконов, с. 177] — для обслуживания призывных пунктов вне столицы Татарской АССР.

«Работа музеев обязана способствовать воспитанию людей, беспредельно преданных родине, готовых в любую минуту по зову партии и правительства стать за дело Ленина — Сталина, совершать подвиги беспримерного мужества и героизма в борьбе с фашистскими мракобесами, а если нужно, то и отдать за родину свою жизнь» [Ко всем работникам музеев..., с. 3], — предписывало Директивное письмо Наркомпроса от 15 июля 1941 г. — первый «программный» ведомственный документ с начала войны, принятый в развитие указаний ЦК ВКП(б) и советского правительства о перестройке всей деятельности государственных учреждений и общественных организаций на военный лад [КПСС в резолюциях..., с. 17–19].

Важнейшее направление государственной политики в гуманитарной сфере в 1941–1942 гг. было сосредоточено на обеспечении активного включения музеев в многообразную идейно-воспитательную работу. В упомянутом письме Наркомпроса была представлена развернутая программа деятельности советских музеев в военных условиях, декларативно обозначались ее формы и направления. В нем подчеркивалась необходимость создания стационарных и передвижных выставок о ходе Великой Отечественной войны, о героической борьбе советского народа на фронте и в тылу, о героях-земляках. Документ пошагово разъяснял, какими должны быть музейные экспозиции по идеологическому содержанию [Ко всем работникам музеев..., с. 5]. Война должна была изначально восприниматься как Отечественная, причем в отрыве от предшествовавших событий 1939–1941 гг. Предложенная Наркомпросом (и разработанная НИИ краеведческой и музейной работы) концепция должна была стать основой деятельности подведомственных ему учреждений в годы войны и также быть «спущенной» в музеи регионального (краевого, областного и т. д.) подчинения.

В Москве в июле — начале августа 1941 г. в нескольких музеях были созданы небольшие экспозиции на военно-патриотические темы [ГАРФ, ф. А-2306, оп. 69, д. 2692, л. 48]. Так, в Государственном музее революции СССР открылась выставка «Великая Отечественная война советского народа против германского фашизма», где при организационном содействии городского агитпункта ЦК ВКП(б) проводила экскурсии для бойцов Московского гарнизона и Народного ополчения [Там же, л. 46]. На выставках 1941 — начала 1942 г. использовали сюжеты, отражавшие события настоящего и прошлого нашей истории, при значительном преобладании материалов последнего, и закономерно подчеркивали их преемственность. Так, Центральный музей Красной Армии в августе 1941 г. открыл выставку «Отечественная война», на которой были представлены экспонаты о борьбе новгородского войска со шведами и ливонскими рыцарями, о Грюнвальдской битве, Семилетней войне, Отечественной войне 1812 г. и Первой мировой войне. Кроме того, здесь были показаны документы и фотографии о боевых действиях Красной Армии против германских оккупантов в 1918 г. Специальный раздел рассказывал о советско-финляндской войне 1939–1940 гг. и, разумеется, был «выдержан» в соответствии с официальной доктриной оценок как начала этого конфликта, так и его итогов. И только два последних ее раздела по сути соответствовали заявленной теме выставки. В них были представлены материалы о боевых действиях Красной Армии и Военно-морского флота, трофеи, захваченные советскими воинами, а также документы, свидетельствующие о зверствах гитлеровцев на оккупированных территориях [Фатигарова, с. 194].

По тому же принципу была построена объединенная экспозиция московских музеев «Великая Отечественная война советского народа против германского фашизма», так называемая «Антифашистская выставка», развернутая в залах Государственного Исторического музея в соответствии с приказом Наркомпроса РСФСР от 9 августа 1941 г. [ГАРФ, ф. А-2306, оп. 69, д. 2692, л. 45]. В ее создании принимали участие 6 музеев: Государственный исторический музей, Государственный музей революции СССР (ныне — Государственный музей

современной истории), Музей народов СССР, Государственные литературный, биологический и политехнический музеи, а также сотрудники НИИ краеведческой и музейной работы [ГАРФ, ф. А-2306, оп. 69, д. 2692, л. 45]. Открытие ее предполагалось 25 августа 1941 г., но из-за критической ситуации на фронте — войска вермахта в августе неудержимо рвались к столице СССР — работа над ней была на некоторое время приостановлена. Хотя и с месячным опозданием, но выставка все же открылась. Она состояла из 10 разделов, из которых только четыре относились непосредственно к ее теме: «Социалистическое Отечество в опасности», «Фашизм — злейший враг человечества», «Героическая борьба советского народа с германским фашизмом», «Героическая работа тыла страны» [Левыкин, с. 150]. Все они были «вплетены» в исторический контекст. По теме Великой Отечественной войны экспонировались отдельные материалы, рассказывавшие о героизме советских воинов в борьбе с врагом (был включен даже небольшой раздел, повествующий о первых этапах боев на московском направлении), но не дававшие в целом представления о ходе войны, поскольку ход этот пока не внушал оптимизма и мог создать ненужные «пессимистические впечатления» [Лупало, с. 130]. При объективно существовавших трудностях показа начального периода войны, когда РККА под натиском вермахта отступала по всему фронту, существовал вполне понятный запрет (во избежание возникновения «паникерских настроений») использовать карты общего хода боевых действий. Принципиально важно отметить, что на этой выставке появились стенды, раскрывающие анатомию гитлеризма — «Лицо германского фашизма», «Фашизм — враг науки и культуры», «Разоблачение расистской теории фашизма», «Ограбление оккупированных стран», «Уничтожение национальной самостоятельности и целостности народов и государств» [ГАРФ, ф. А-2306, оп. 69, д. 2692, л. 49]. Также, в соответствии с установками Наркомпроса, на экспозиции появились и международные разделы: «Захватнические войны германского фашизма на территории Западной Европы», «Борьба народных масс против фашизма в оккупированных странах и в самой Германии», «Движение солидарности народных масс Англии, США и других стран с СССР», стенды, содержание которых до 22 июня 1941 г. показалось бы «контрреволюционным» — посвященные Соглашениям СССР с Англией, Польшей и Чехословакией, установлению дружеских отношений между СССР и США [Там же, л. 50].

По данным выборочного обследования, проведенного НИИ краеведческой и музейной работы в 1942 г., выставки были организованы в 70 % музеев [Фатигарова, с. 194–195], — разумеется, в этот обзор вошли только музеи, не подвергнувшиеся консервации и не находившиеся на оккупированной территории.

19 октября, когда Москва была на осадном положении, Государственный исторический музей (ГИМ) представил план выставки «Оборона Москвы в 1941 г.». Уже через месяц готовившаяся выставка по понятным причинам была торжественно переименована: она получила название «Разгром немецко-фашистских войск на подступах к Москве» [Советская культура в годы Великой Отечественной войны, с. 136]. Основной интерес и значение этой выставки, констатировали в Наркомпросе, в том, что она «основана на тщательном изучении

великой битвы за Москву осенью-зимой 1941 г. и содержит в себе богатый познавательный материал по этому вопросу, который притом так подан, что может являться хорошим пособием для самостоятельного изучения» [О дальнейшем развитии музейно-экспозиционной работы..., с. 6]. Сотрудники музея выезжали для сбора материалов в прифронтовые и только что освобожденные от оккупантов районы, в действующие воинские соединения. На выставке были детально представлены этапы битвы за Москву, отдельные ее боевые операции, раскрыты действия частей и соединений, мемориально-биографические комплексы, посвященные героям битвы. Экспонаты выставки составили хрестоматийную основу будущего фонда по истории Великой Отечественной войны [Левыкин, с. 150]. Не обошлось, разумеется, без обязательного обрамления: «Центральным кадром всей экспозиции дано выступление товарища Сталина 6 и 7 ноября 1941 г., мобилизовавшее все силы страны и Красной Армии на решительный отпор врагу и явившееся прологом к разгрому немцев под Москвой» [О дальнейшем развитии музейно-экспозиционной работы..., с. 6]. В Ленинграде, в Соборе Петропавловской крепости (тогда бывшей филиалом Музея Революции), была отреставрирована могила Петра I и организована выставка, посвященная его полководческой деятельности. На ней были представлены штандарты петровских времен, гравюры, репродукции о строительстве Санкт-Петербурга, траурные знамена и др. [НА ГМПИР, д. 116, л. 64]. На нее из призывных пунктов приводили новобранцев, уходивших на фронт.

Изменение характера музейных выставок было связано не только с улучшением положения на фронте, с прекращением повсеместного отступления и первой внушительной победой, но и успешным сбором материалов в ходе войны (которым музеи Москвы, Ленинграда и других регионов, включая глубокий тыл, начали заниматься задолго до появления соответствующих партийно-государственных директив). Наличие большого количества их позволило Государственному музею революции СССР в начале 1942 г. открыть две стационарные выставки — «Героический путь Красной Армии (1918–1942 гг.)» и «Великая Отечественная война против немецко-фашистских захватчиков» [Вечерняя Москва, 1942, 1 августа]. На них было представлено много материалов с передовой линии фронта (фотографии, армейская печать, документы об обороне Москвы, о боях за Калинин, Истру, Тулу и др.), о мужестве партизан, самоотверженном труде в советском тылу [Лупало, с. 126].

В 1942 г. силами музейщиков осажденного города, поддержанных в своей инициативе командованием Ленинградского фронта, в Доме Красной Армии им. С. М. Кирова была организована огромная выставка «Великая Отечественная война советского народа против германского фашизма», где экспонировались не только советские пропагандистские материалы, но и большое количество трофейного оружия, а также документы (карты, схемы и т. д.) и обмундирование, захваченные у противника [Павлова, с. 74]. Выставки трофейного оружия в 1942–1943 гг. стали одним из самых популярных и эффективных методов наглядной агитации и пропаганды благодаря сильнейшему эмоциональному воздействию на зрителя. Инициатором систематического и профессионального

сбора трофейного оружия для музейных коллекций стал директор Исторического музея артиллерии (ныне — Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи) полковник Я. Ф. Куске. В декабре 1941 г. Куске, вместе с музеем эвакуированный из Ленинграда в Новосибирск (где, увы, музей долгое время пребывал в условиях, ставивших под угрозу сам факт сохранности его уникальных старинных экспонатов), отправил в Главное артиллерийское управление (ГАУ) Наркомата обороны соответствующую служебную записку и разработанную им же «Инструкцию по сбору реликвий и трофеев» [НА ВИМАИВиВС, ф. 3, оп. 1, д. 71, л. 18]. Эта инструкция стала первым научно-практическим пособием в этой сфере для музейщиков РСФСР. Инициативу Куске нашли заслуживающей внимания, и 23 марта 1943 г. был издан соответствующий приказ Народного комиссара обороны, согласно которому частям и соединениям РККА вменялось в обязанность «организовать сбор и учет наиболее ценных реликвий и памятников войны» [Там же, л. 20].

Артиллерийский исторический музей уже в первый год войны подготовил передвижную выставку трофеев, которая в специальном вагоне курсировала по Кузбассу, Западной Сибири и Казахстану [Фатигарова, с. 195–196].

Важным шагом научно-практического освоения темы музеефикации событий войны стало «Руководство к собиранию материалов по истории Великой Отечественной войны», разработанное по поручению Наркомпроса РСФСР профессором Научно-исследовательского института краеведческой и музейной работы Н. М. Коробковым и разосланное по подведомственным Наркомпросу учреждениям в конце 1942 г. В нем была изложена программа комплектования материалов по современности, давались профессиональные методические рекомендации по организации собирательской работы, а также по вопросам хранения и использования собранных материалов [Коробков, с. 9–11].

В этот период укрепляется тенденция изменения тематики выставок в сторону их актуализации. Так, выставка «Разгром немецких оккупантов под Москвой» была создана в Центральном музее Красной Армии к 24-й годовщине РККА — в феврале 1942 г. На ней экспонировались документы, плакаты, лозунги, листовки, зарисовки фронтовых художников, уникальные фотографии военных корреспондентов, богатейшие трофеи: военное снаряжение противника и его оружие, карты, бинокли и т. д. По мере развития событий на фронтах войны эта выставка оперативно пополнялась новыми материалами и в конце 1943 г. уже имела три дополнительных раздела: «Разгром немцев под Сталинградом», «Провал летнего наступления немцев в 1943 г. и победоносное наступление Красной Армии», «Укрепление антигитлеровской коалиции». К этому времени Центральный музей Красной Армии начал готовиться к коренной перестройке всей своей экспозиции и созданию нового ее отдела, посвященного боевым действиям частей Красной Армии и Военно-морского флота на фронтах Великой Отечественной войны [Симкин, с. 209].

В блокадном Ленинграде художественно-документальная рефлексия на актуальные военные события развивалась в 1942–1943 гг. в несколько ином направлении: здесь, несмотря на чудовищные тяготы первой блокадной зимы,

открывались художественные выставки, участники которых фиксировали не только картины города, но и выезжали на линию фронта (проходившую вдоль городской черты) и в партизанские отряды для создания «репортажных» по жанру зарисовок. «Минус десять градусов в выставочном зале. Минус семь в мастерских. Освещение — копилки. Питание — паек зимы 1941–1942 гг. (в этот период в Ленинграде норма выдачи хлеба была снижена до 125 г. в сутки, и смертность достигала 3 тыс. человек в день [Ломагин, с. 241]. — Ю. К.). Лютая зима, обстрелы, бомбежки. В подоконник мастерской ударяются осколки... но работа кипит, как никогда. ...Фронт был рядом, свистели снаряды, убивая людей... Но выставка была открыта. И чего не ожидали сами художники — выставку посетили восемьсот человек!» [Алатырцев, с. 21].

В марте первая выставка ленинградских художников обновилась и пополнилась новыми работами. С одобрения Горкома партии и Политуправления Ленфронта 12 июня 1942 г. открылась экспозиция, на которой было представлено более двухсот работ [Там же, с. 22]. К ней были предъявлены более жесткие идеологические требования, нежели к первым двум: исключительно показа героизма, несокрушимого сопротивления и веры в победу, нежелательности «смакования бытовых трудностей» — ленинградским властям нужна была «парадная версия» событий, востребованная «политическим моментом» и законами пропаганды. Произведения, посвященные трагическим сторонам блокадной повседневности, на данную выставку не попали (но, к счастью, сохранились в фондах городских музеев) — поскольку это был своего рода «отборочный тур» для экспонирования в Москве, на выставке в ГИМе. Побывавшая тогда в Москве О. Берггольц испытала шок: «О Ленинграде все скрывалось, о нем не знали правды так же, как о ежовской тюрьме... Трубя о нашем мужестве, они скрывают от народа правду о нас. Для слова — правдивого слова о Ленинграде — еще, видимо, не пришло время... Придет ли оно вообще?» [Берггольц, с. 378].

Забегая вперед, необходимо отметить, что тенденция цензурирования творческого отображения действительности, в том числе, в музейной сфере, как ни покажется парадоксальным, нарастала пропорционально успехам на фронте. Наиболее ярким (но отнюдь не исключительным) примером в этом отношении служит печальная история открывшейся в Сталинградском драмтеатре (одном из немногих сохранившихся в городе зданий) в марте 1945 г. выставки сталинградских художников. На ней были представлены 38 живописных произведений пяти авторов, и хотя эти картины были выполнены в разных жанрах (пейзажи, панорамные зарисовки, портреты участников битвы), их объединяло одно — все они являлись отражением образа восстающего из руин города [Галкова, Савицкая, Саркулова, с. 208]. Вызавшая огромный интерес сталинградцев, выставка подверглась разгромной критике партийных органов и была свернута (к счастью, значительная часть представленных на ней произведений сохранилась, и ныне находится в музее-панораме «Сталинградская битва»). Художников обвинили в «воспевании руин», «смаковании разрухи... без ощущения перспективы (не пространственной, а временной)», отсутствии в картинах военной тематики «ощущения Победы» [Линдин, с. 2].

Боевые традиции в их преемственности с актуальными событиями пропагандировали первые военные выставки краеведческих музеев Свердловска, Перми, Саратова, Горького, Томска, Барнаула и др. Они были построены преимущественно на местном материале. Характерна в этом отношении выставка об истории Красной Армии в Дагестанском краеведческом музее, демонстрировавшаяся в первом полугодии 1942 г. Она состояла из разделов: «Основоположники и организаторы Красной Армии», «Государственный Комитет Обороны», «Главнокомандующие войсками», «Боевые эпизоды Красной Армии», «Отомстим за кровь наших детей», «Они не будут сиротами» [Лупало, с. 125]. В Шуйском музее им. М. В. Фрунзе большой раздел посвящен теме «Герои Советского Союза» [Комарова, с. 4]. В Калининском областном музее на выставке «Великая Отечественная война», открывшейся весной 1942 г., был создан раздел «Грабеж Европы», в котором экспонировались консервные банки из Норвегии и Дании, бутылки из-под французского и венгерского вина, папиросные коробки из Алжира, Марокко и т. д. [Там же]. Примечательно, что она стала первой экспозицией, открывшейся в освобожденном от оккупантов крупном городе.

Говоря о мемориализации событий Великой Отечественной войны в российских музеях, нельзя не упомянуть о двух знаковых событиях 1942 г. — открытии уникальных музеев. Сам факт появления новых музеев в труднейший период войны знаменателен, а их гуманистическая направленность символична: почти одновременно, соответственно 25 октября и 12 ноября, были созданы музей А. В. Суворова в селе Кончанское Ленинградской области (с 1944 г., с образованием Новгородской области, Кончанское входит в ее состав) и Военно-медицинский музей в Москве (в марте 1945 г. принято решение о его переводе в Ленинград, где музей заново открылся в 1947 г.).

Кончанское расположено в Боровичском районе — единственном островке Ленинградской области, не оккупированном в 1941 г. вермахтом. В нем располагались 22 госпиталя, школа лейтенантов. Одним из инициаторов открытия музея был бригадный комиссар К. Ф. Калашников, возглавлявший политическое управление Волховского фронта. Инициатива командования Волховского фронта была по достоинству оценена в Наркомпросе, обязавшем Ленгорисполком уделить внимание новому музею в деле популяризации его среди населения: «В дни Отечественной войны, когда вопросы стратегии и тактики Суворова являются особенно актуальными, на музей Суворова ложится ответственная задача стать центром пропаганды суворовского военного искусства, путем создания соответствующей экспозиции и проведения массовых политико-просветительных мероприятий (выставки-передвижки, лекции, доклады и пр.)» [ГАРФ, ф. А-2306, оп. 69, д. 3016, л. 99]. Музей со дня основания развивался и как памятник военной истории, и как участник событий Великой Отечественной, став местом проведения досуга раненых бойцов и отправлявшихся на фронт выпускников лейтенантской школы. И сегодня одним из самых ценных, эмоционально насыщенных его экспонатов является Книга отзывов посетителей военных лет.

В годы Великой Отечественной войны Военно-медицинский музей направлял на фронты комплексные бригады врачей-специалистов, фотографов,

кинооператоров и художников, осуществлявших сбор уникальных экспонатов о работе личного состава медицинской службы и материалов по медицинскому обеспечению действующих войск на полях сражений, при освобождении нацистских концентрационных лагерей (включая «Освенцим»), став первым советским музеем, в фонды которого попали предметы, ставшие свидетельствами обвинения на Нюрнбергском процессе: сумочки из человеческой кожи, банки из-под «Циклона-Б», использовавшегося в газовых камерах и т. д. [Шабунин, с. 21]. За годы войны в фонды Военно-медицинского музея поступили коллекции ценнейших экспонатов (патологоанатомических препаратов, муляжей, этюдов, зарисовок, фотографий и т. п.), позволивших открыть первую экспозицию в Москве уже весной 1943 г. [Будко, Чигарева, с. 45]. С 5 октября 1943 г. он стал именоваться «Военно-медицинский музей с научно-исследовательскими отделами по изучению опыта войны» [Будко, Журавлев, с. 127].

1943 г. — год «коренного перелома» в Великой Отечественной войне, и Наркомпрос публикует серию документов как рекомендательного, так и подытоживающего характера. Наиболее важные из них: «Основные вопросы музейно-краеведческого дела: пособие для работников музеев», «О работе музеев в дни Великой Отечественной войны», «Музейно-краеведческое дело» и ключевая работа «О дальнейшем развитии музейно-экспозиционной работы по тематике Великой Отечественной войны». В тот же период Наркомпрос в тандеме с Управлением агитации пропаганды ЦК ВКП(б) проводит в Москве несколько совещаний и конференций с музейщиками освобожденных и тыловых регионов РСФСР, посвященных как реставрационно-восстановительной работе, так и актуальным экспозиционным задачам. Впервые не только высказана музейщиками, но и официально одобрена идея создания в краеведческих, историко-революционных музеях постоянно действующих разделов (экспозиций), посвященных Великой Отечественной войне, в которых наряду с местным материалом предписывалось показывать общий ход войны [Маневский, с. 12]. Вслед московским установкам проходит серия совещаний в музеях регионов, где принимаются концепции таких экспозиций, для тыловых регионов таким «мозговым центром» становится старейший музей Сибири — Красноярский краевой краеведческий музей, собравший на тематическую конференцию коллег из Зауралья [НА КККМ, ф. 1899, оп. 1, д. 656, л. 13–20]. Сформированная по итогам совещания схема отдела «Великая Отечественная война Советского Союза против гитлеровской Германии» стала базовой для региональных музеев. Она состояла из пяти разделов: «Период подготовки и проведение Великой Октябрьской Социалистической Революции под руководством В. И. Ленина и И. В. Сталина — 1917 г.», «Военная интервенция и гражданская война. Роль В. И. Ленина и И. В. Сталина. 1918–1920 гг.», «Основные этапы мирного социалистического строительства», «Наша страна и край — под знаменем Сталинской Конституции», «Великая Отечественная война и участие в ней Красноярского Края» (ключевым в этом, самом обширном разделе предлагалось сделать стенд «И. В. Сталин — великий полководец, организатор и вдохновитель наших побед»), каждый из которых имел дробную структуру и охватывал различные стороны военной жизни [Там же, л. 13].

После прорыва блокады в Ленинграде по инициативе Политуправления Ленфронта состоялась выставка художников-фронтовиков, приславших свои произведения с передовой. «Забота о будущем тесно переплетена для художников с их практическим, творческим участием в Великой Отечественной войне в качестве ближайших помощников боевых командиров и политических воспитателей Красной Армии. Многие из произведений, созданных в дни осады художниками-современниками, становятся острым средством сегодняшней борьбы с врагом и, вместе с тем, эскизами будущих полотен, — сообщало предисловие к ее каталогу. — Искусство тоже воюет! Искусство мобилизовано, поставлено на вооружение Действующей Красной Армии» [Бродянский, с. 3]. В каталоге этой выставки впервые была высказана мысль о создании музея обороны Ленинграда: «Основы будущего музея Ленинградской обороны и галереи героев Ленинградского фронта должны быть заложены уже сейчас — в разгаре горячих сражений» [Там же]. Помимо уверенности в необходимости увековечить подвиг ленинградцев и тех, кто их защищал, отчетливо звучал отсыл к героическому прошлому, понятный каждому горожанину: военная галерея появилась в Зимнем дворце после победоносного окончания Отечественной войны 1812 г.

В 1943 г. посетители увидели и выставку «Оборона Царицына и разгром немецко-фашистских войск у Сталинграда», созданную Государственным музеем революции СССР на основе материалов, привезенных его сотрудниками с мест боев у Волги. Затем была выставка «Три года Великой Отечественной войны» [Лупало, с. 131]. В мае 1943 г. Смоленский облисполком и обком приняли решение о создании постоянно действующей выставки музея «Смоленщина в Великой Отечественной войне», параллельно с восстановлением музеев города, разрушенных в период оккупации [РГАСПИ, ф. 17, оп. 125, д. 302, л. 1]. Государственный музей Татарской АССР организовал в Казани большую выставку «Великая Отечественная война», уже в 1944 г. трансформированную в стационарный отдел [Там же, л. 119], а Омский краеведческий музей в тот же период развернул выставку «Битва за нашу Советскую Родину» [Лупало, с. 132]. Музеи подготовили немало выставок о тружениках тыла. Наиболее значительными из них были: «Трудящиеся Ивановской области в дни Отечественной войны» (Ивановский краеведческий музей), «Тыл подpiraет фронт» (Новосибирский краеведческий музей), «Средний Урал — фронту», «Урал — фронту» (Свердловский краеведческий музей), «Советский тыл — тоже фронт» (Пермский краеведческий музей), «Тыл — фронту» (Краеведческий музей в Нижнем Тагиле) [Музейное дело в СССР, с. 8]. Как видно даже из этого беглого обзора, география актуальных выставок была всеохватной, а их тематика соответствовала указаниям партийно-государственного руководства. Невозможно судить, соответствовало ли музейное освещение военной проблематики социальному запросу: не существует каких-либо свидетельств «обратной связи», тем более что в военное время значительная часть посетителей в музеи ходила «в обязательном порядке» — в составе сформированных на предприятиях и в организациях групп, и по этой причине даже книги отзывов является минимально

репрезентативными (их заполняли активисты или организаторы). Но при общей скудости и безальтернативности информационного поля именно музеи с их комплексным воздействием на публику, безусловно, являлись лидерами в формировании представлений о ходе войны и унификации восприятия ее событий на всем пространстве РСФСР.

Характерно, что ни в одном из изученных директивных документов, инструкций, информационных брошюр или стенограмм совещаний, проведенных под эгидой Наркомпроса в 1943–1944 гг., нет тем, которые с освобождением от оккупации значительной части территории РСФСР должны были приобрести колоссальное значение: судьба советских военнопленных и коллаборационизм советских граждан. Увы, эти драматические сюжеты так и остались «фигурой умолчания» не только во время войны, но и многие десятилетия после нее. Не менее примечательным является тот факт, что «белым пятном» в музейном освещении войны осталось и открытие Второго фронта.

Принципиально важно, что к 1943 г. государством была осознана не только необходимость сохранения материалов о Великой Отечественной, но и их изучения. Эти задачи обозначены в документах указанного периода как «священная обязанность» [Маневский, с. 11]. Существенной была и установка на выявление и принятие на государственную охрану «памятных зданий и памятных мест, связанных с освободительной войной советского народа и ее героями». Уделялось внимание и устной истории: «Музей должен организовать систематическую запись рассказов земляков-очевидцев и участников исторических событий» [Там же, с. 12] (публикация и экспонирование последних разрешались только после утверждения местными парторганами, и впоследствии в значительной степени выродились в «заавторство» — когда участнику событий предлагалось озвучивать уже подготовленный текст).

Государственные установки, сформулированные к этому времени, в значительной мере сужали поле собирательской, научной и экспозиционной деятельности музеев. Уходят в тень, а точнее, в запасники (а порой, и уничтожаются), собранные музейщиками экспонаты и документальные материалы, связанные с первым, трагическим этапом Великой Отечественной, ибо резюмирующей стала идеологема, сформулированная Управлением политпросветработы Наркомпроса: «Надо немедленно приступить к созданию новых экспонатов, *отражающих героизм фронта и тыла* (курсив мой. — Ю. К.)» [Там же]. Абсолютно те же по идеологической интонации дефиниции содержатся в справке, разработанной руководством Бюро по охране памятников Наркомпроса: «Отечественная война оставила и оставляет нам большое количество памятников о подвигах советского народа на фронте и в тылу. И задачей музеев и музейных работников является выявить эти памятники, оформить их и привести в такое состояние, чтобы они полным голосом говорили о *героических страницах* (курсив мой. — Ю. К.) в жизни русского народа» [Комарова, с. 19]. Так уже во время войны был задан алгоритм «стирания» из исторической памяти всей многогранной истории Великой Отечественной войны, включавшей не только героические, но и трагические страницы.

В Ленинграде по решению Военного Совета Ленинградского фронта и Ленинградского горкома ВКП(б) в 1943 г., после прорыва блокады, началась работа по увековечению Ленинградской эпопеи, до финала которой оставался еще год. Создавалась новая выставка на основе открытой в 1942 г. экспозиции «Великая Отечественная война советского народа» [Ленинградцы. Блокадные дневники, с. 4]. В ее подготовке принимали участие сотрудники музеев, оставшиеся в городе всю блокаду, а также специалисты, отозванные с фронта. Она имела огромный успех не только в Ленинграде, но стала знаменательным событием в масштабе всей страны [Великая Отечественная война 1941–1945, с. 471]. Практически сразу после ее открытия стало очевидно, что по качеству и количеству представленного материала выставка нуждалась в трансформации в полноценный музей. Ленинградские горком и горисполком в марте 1944 г. разрабатывают документы о преобразовании выставки в музей «Героическая оборона Ленинграда». Тогда же у музейщиков, создававших выставку, возникла идея сохранить как памятники доты в черте города. Первым директором уникального музея, разместившегося в 18 огромных залах старинного здания в Соляном городке, стал научный сотрудник Эрмитажа, один из крупнейших в РСФСР специалистов по истории военного дела Л. Л. Раков, сумевший превратить его в «энциклопедию блокады». Особо ценными в историческом и духовном смысле — помимо образцов оружия и изделий военной промышленности, официальных документов, агитационной продукции, фотографий, сделанных военкорами, — в нем были личные реликвии. Тысячи ленинградцев принесли в фонды и на экспозицию нового музея уникальные свидетельства блокады — вещи, дневники, предметы скудного блокадного быта. Одна из них — ставший всемирно известным свидетельством бесчеловечности гитлеризма дневник Тани Савичевой. СНК РСФСР 5 октября 1945 г. принял решение о преобразовании этой выставки в музей «Оборона Ленинграда» республиканского значения [Фатигарова, с. 196–197]. Увы, музей блокады стал жертвой «Ленинградского дела» в 1949 г. «Маленков, а вслед за ним и новый секретарь горкома и обкома партии Андрианов, размахивая нашим путеводителем (по музею. — Ю. К.), кричали: “Свили антипартийное гнездо! Создали миф об “особой” блокадной судьбе Ленинграда. Принизили роль великого Сталина...”» [Ленинградцы. Блокадные дневники, с. 561]. Практически вся его уникальная коллекция была уничтожена (включая редкие образцы трофейного оружия и дневники ленинградцев), небольшое оставшееся отправлено в запасники нескольких городских музеев. Вместе с руководителями Ленинграда были репрессированы Л. Л. Раков и значительная часть сотрудников музея. Музей был вновь открыт лишь 40 лет спустя после своего закрытия, вызвав всплеск неугасающего интереса у горожан, снова, как и в 1944-м, откликнувшихся на призыв принести сохранившиеся семейные реликвии. Увы, ныне он занимает два из 18 ранее принадлежавших ему залов, не имея возможности достойно представить частично воссозданные прежние и появившиеся за четверть века после второго открытия фонды.

Еще одним символическим явлением в последний год Великой Отечественной войны стало создание выставки Карельского фронта, посвященной победе

наших войск на р. Свирь и освобождению Советской Карелии. Характеризуя ее, сотрудник Центрального музея Красной Армии П. Н. Логинов докладывал в Главное политическое управление РККА 9 ноября 1944 г.: «Выставка организована продуманно и представляет из себя большой музей-заповедник, созданный на месте боев» [Фатигарова, с. 197]. Она занимала территорию в 30 га, которая силами Карельского фронта и жителей города Лодейное Поле была превращена в парк. Здесь были сохранены и укреплены во избежание разрушения от времен советские оборонительные укрепления [Там же]. Открытие выставки состоялось в декабре 1944 г. В акте приема ее экспозиции было отмечено, что, по сути, она является военно-историческим музеем и должна стать филиалом Центрального музея Красной Армии. Пожелание, высказанное приемной комиссией, было учтено: выставка «Свирская победа», единственная из нескольких фронтовых, открывавшихся в последнее полугодие войны, стала музеем-филиалом Центрального музея Красной Армии. Однако это не защитило его: как и Музей обороны и блокады, он был расформирован вследствие «Ленинградского дела» и восстановлен как парк памяти, филиал Лодейнопольского краеведческого музея (Ленинградская область) лишь в постсоветское время.

В 1944–1945 гг., помимо акцента на глорификацию событий войны, с освобождением от нацистской оккупации «братских республик» — Латвии, Литвы и Эстонии, — со стремительным перемещением боевых действий за территорию СССР и победоносным наступлением Красной Армии на запад, актуализируются сюжеты международного положения нашей страны и, следовательно, геополитических событий, предшествовавших Великой Отечественной. В этом смысле образцовой является концепция выставки «Красная Армия в боях с немецко-фашистскими захватчиками» в Центральном музее Красной Армии, утвержденная Управлением агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) с подачи Главного политуправления РККА. К ее организации были привлечены Генеральный Штаб Красной Армии, Главное и Центральное управления Наркомата обороны, Наркомат военно-морского флота, Всесоюзный комитет по делам искусств при СНК СССР, Всесоюзный комитет по делам кинематографии при СНК СССР, ТАСС, Институт марксизма-ленинизма и, едва ли не впервые за всю войну в музейной практике, Комиссия по истории Великой Отечественной войны при Академии наук Союза ССР [РГАСПИ, ф. 17, оп. 125, д. 219, л. 45]. Созданной при взаимодействии столь внушительных организаций-участниц, ей отводилась роль «хрестоматии» по официальной версии актуальной истории.

Великая Отечественная война — судьбоносное, достойное вечной памяти событие. Документальное и предметное «обеспечение» этой памяти являлось делом профессиональной ответственности музейщиков, осознанным и прочувствованным музейщиками раньше, нежели государственной властью.

Алатырцев М. Ленинградские художники в дни блокады // Ленинград. 1942. № 1. [Alatyrcev M. Leningradskie hudozhniki v dni blokady // Leningrad. 1942. № 1.]

Берггольц О. Ф. Ольга. Запретный дневник: стихи, проза, дневники, архивные материалы. СПб., 2010. [Berggol'c O. F. Ol'ga. Zapretnyj dnevnik : stihy, proza, dnevniki, arhivnye materialy. SPb., 2010.]

Бродянский Б. Художник на фронте // Первая выставка художников-фронтовиков : каталог / Полит. управление Ленингр. фронта. Л., 1943. [Brodjanskij B. Hudozhnik na fronte // Pervaja vystavka hudozhnikov-frontovikov : katalog / Polit. upravlenie Leningr. fronta. L., 1943.]

Будко А. А., Журавлев Д. А. В память великого подвига медиков // Музейный фронт Великой Отечественной. М., 2014. [Budko A. A., Zhuravlev D. A. V pamjat' velikogo podviga medikov // Muzejnyj front Velikoj Otechestvennoj. M., 2014.]

Будко А., Чигарева Н. Гуманитарная миссия военного музея // Музей. 2014. № 9. [Budko A., Chigareva N. Gumanitarnaja missija voennogo muzeja // Muzej. 2014. № 9.]

Великая Отечественная война 1941–1945 : энциклопедия. М., 1985. [Velikaja Otechestvennaja vojna 1941–1945 : jenciklopedija. M., 1985.]

Вечерняя Москва. 1942. 1 августа. [Vechnaja Moskva. 1942. 1 avgusta.]

Выставка о героической эпопее русского народа // Ленингр. правда. 1941. 14 июля. [Vystavka o geroicheskoj jepopee russkogo naroda // Leningr. pravda. 1941. 14 ijulja.]

Галкова О. В., Савицкая О. Н., Саркулова В. П. Выставка Сталинградских художников 15 марта 1945 г.: к проблеме сохранения художественного культурного наследия // Сталинградская битва: историческая память и художественное наследие. К 70-летию разгрома фашистских войск под Сталинградом : всерос. науч.-практ. конф. Волгоград, 13–14 ноября 2013 г. / отв. ред. Е. В. Огаркова. М., 2013. [Galkova O. V., Savickaja O. N., Sarkulova V. P. Vystavka Stalingradskih hudozhnikov 15 marta 1945 g.: k probleme sohraneniya hudozhestvennogo kul'turnogo nasledija // Stalingradskaja bitva: istoricheskaja pamjat' i hudozhestvennoe nasledie. K 70-letiju razgroma fashistskih vojsk pod Stalingradom : vseros. nauch.-prakt. konf. Volgograd, 13–14 nojabrja 2013 g. / otv. red. E. V. Ogarkova. M., 2013.]

ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 69. Д. 2692, 3016. [GARF. F. A-2306. Op. 69. D. 2692, 3016.]

Героика великого русского народа // Ленингр. правда. 1941. 1 июля. [Geroika velikogo russkogo naroda // Leningr. pravda. 1941. 1 ijulja.]

Дьяконов В. М. Воспоминания о выставках военных лет // Музейное дело в СССР. М., 1976. [D'jakonov V. M. Vospomинanija o vystavkah voennyh let // Muzejnoe delo v SSSR. M., 1976.]

Ко всем работникам музеев Наркомпроса РСФСР // Работа политико-просветительных учреждений в условиях военного времени : директивные и инструктивные материалы для музеев. Вып. 4. М., 1943. [Ko vsem rabotnikam muzeev Narkomprosa RSFSR // Rabota politiko-prosvetitel'nyh uchrezhdenij v uslovijah voennogo vremeni : direktivnye i instrukтивnye materialy dlja muzeev. Вып. 4. М., 1943.]

Комарова М. Ф. О работе музеев в дни Великой Отечественной войны : информ. письмо № 2 // НИИ краевед. и музейной работы. М., 1943. [Komarova M. F. O rabote muzeev v dni Velikoj Otechestvennoj vojny : inform. pis'mo № 2 // NII kraeved. i muzejnoj raboty. M., 1943.]

Коробков Н. М. Руководство к собиранию материалов по истории Великой Отечественной войны (для музеев и краеведческих организаций). М., 1942. [Korobkov N. M. Rukovodstvo k sobiraniju materialov po istorii Velikoj Otechestvennoj vojny (dlja muzeev i kraevedcheskih organizacij). M., 1942.]

КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 6. М., 1971. [KPSS v rezoljucijah i reshenijah s'ezdov, konferencij i plenumov SK. T. 6. M., 1971.]

Левыкин К. Г. Перестройка работы исторических и историко-краеведческих музеев в годы Великой Отечественной войны // Вopr. истории. 1985. № 4. [Levykin K. G. Perestrojka raboty istoricheskikh i istoriko-kraevedcheskih muzeev v gody Velikoj Otechestvennoj vojny // Vopr. istorii. 1985. № 4.]

Ленинградцы. Блокадные дневники. Из фондов Государственного Мемориального музея обороны и блокады Ленинграда / сост., послесл., коммент. И. А. Муравьева. СПб., 2014. Вклейка 1. [Leningradcy. Blokadnye dnevniki. Iz fondov Gosudarstvennogo Memorial'nogo muzeja oborony i blokady Leningrada / sost., poslesl., komment. I. A. Murav'eva. SPb., 2014. Vklejka 1.]

Линдин С. На выставке картин сталинградских художников // Сталингр. правда. 1945. № 69 (5015). 11 апреля. [Lindin S. Na vystavke kartin stalingradskih hudozhnikov // Stalindr. pravda. 1945. № 69 (5015). 11 aprelja.]

Ломагин Н. А. Неизвестная блокада : в 2 кн. СПб. ; М., 2002. Кн. 1. [Lomagin N. A. Neizvestnaja blokada : v 2 kn. SPb. ; M., 2002. Kn. 1.]

Лупало И. Г. Вклад музеев исторического профиля в мобилизацию духовных сил советского народа на разгром врага в период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов // Музейное дело в СССР : сб. науч. тр. М., 1985. [Lupalo I. G. Vklad muzeev istoricheskogo profilja v mobilizaciju duhovnyh sil sovetskogo naroda na razгром vraga v period Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 godov // Muzejnoe delo v SSSR : sb. nauch. tr. M., 1985.]

Маневский А. Д. Основные вопросы музейно-краеведческого дела. М., 1943. [Manevskij A. D. Osnovnye voprosy muzejno-kraevedcheskogo dela. M., 1943.]

Музейное дело в СССР. М., 1976. [Muzejnoe delo v SSSR. M., 1976.]

НА ВИМАИВиВС. Ф. 3. Оп. 1. Д. 71. [NA VIMAIViVS. F. 3. Op. 1. D. 71.]

НА ГМПИР. Д. 110, 116. [NA GMPiR. D. 110, 116.]

НА КККМ. Ф. 1899. Оп. 1. Д. 656. [NA KKKM. F. 1899. Op. 1. D. 656.]

О дальнейшем развитии музейно-экспозиционной работы по тематике Великой Отечественной войны / НИИ краевед. и музейной работы. М., 1943. [O dal'nejshem razvitii muzejno-ekspozicionnoj raboty po tematike Velikoj Otechestvennoj vojny / NII kraeved. i muzejnoj raboty. M., 1943.]

Павлова С. Д. В героические дни обороны Ленинграда. (О работе Ленинградского государственного Музея Революции) // Работа музеев РСФСР в условиях военного времени. М., 1943. [Pavlova S. D. V geroicheskie dni oborony Leningrada. (O rabote Leningradskogo gosudarstvennogo Muzeja Revoljucii) // Rabota muzeev RSFSR v uslovijah voennogo vremeni. M., 1943.]

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 302, 219. [RGASPI. F. 17. Op. 125. D. 302, 219.]

Симкин М. П. Советские музеи в период Великой Отечественной войны // Труды Науч.-исслед. ин-та музееведения : [сб. науч. тр.]. Вып. 2. М., 1961. [Simkin M. P. Sovetskie muzei v period Velikoj Otechestvennoj vojny // Trudy Nauch.-issled. in-ta muzeevedenija : [sb. nauch. tr.]. Vyp. 2. M., 1961.]

Советская культура в годы Великой Отечественной войны. М., 1976. [Sovetskaja kul'tura v gody Velikoj Otechestvennoj vojny. M., 1976.]

Сталин И. В. Выступление по всесоюзному радио 3 июля 1941 г. // Правда. 1941. 4 июля. [Stalin I. V. Vystuplenie po vsesojuznomu radio 3 ijulja 1941 g. // Pravda. 1941. 4 ijulja.]

Фатигарова Н. В. Музейное дело в РСФСР в годы Великой Отечественной войны (аспекты государственной политики) // Музеи и власть. Государственная политика в области музейного дела (XVIII–XX вв.) : [сб. науч. тр. / НИИ культуры]. М., 1991. [Fatigarova N. V. Muzejnoe delo v RSFSR v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (aspekty gosudarstvennoj politiki) // Muzei i vlast'. Gosudarstvennaja politika v oblasti muzejnogo dela (XVIII–XX vv.) : [sb. nauchn. tr. / NII kul'tury]. M., 1991.]

Шабунин А. В. Военно-медицинский музей, 1943–1993 : ист. очерк. / под общ. ред. Э. А. Нечаева. СПб., 1993. [Shabunin A. V. Voenno-meditsinskij muzej, 1943–1993 : ist. ocherk. / pod obshh. red. Je. A. Nechaeva. SPb., 1993.]

Статья поступила в редакцию 01.09.2015 г.